

На правах рукописи

Пеллинен Наталия Александровна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИРА ДЕТСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ КАРЕЛЬСКИХ
КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН)**

*Специальность 10.02.22. – Языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(финно-угорские и самодийские языки)*

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Петрозаводск
2010

Работа выполнена в секторе языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской Академии наук.

- Научный руководитель:** доктор филологических наук
Зайцева Нина Григорьевна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук
Глухова Наталья Николаевна,
кандидат филологических наук
Жаринова Ольга Михайловна
- Ведущая организация:** Федеральное государственное
образовательное учреждение
высшего профессионального
образования «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Защита состоится 24 декабря 2010 года в 13 часов на заседании диссертационного совета КМ 212.190.05 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Петрозаводском государственном университете по адресу: 185640, г. Петрозаводск, ул. Правды д. 1, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Петрозаводского государственного университета.

Автореферат разослан «22» ноября 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Н.М. Гилоева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постижение картины мира детства, представленной в колыбельной песне, возможно, прежде всего, через анализ ее языка, чему призвано служить данное диссертационное исследование. Работа выполнена в ключе лингвофольклористики, подразумевающей изучение языка фольклора, но материал карельских колыбельных песен, находящихся в фокусе внимания, нацеливает и на привлечение данных таких дисциплин как этнография, народная педагогика, психолингвистика и некоторых других.

Актуальность исследования. Исследование карельского языка, относящегося к прибалтийско-финской группе финно-угорской семьи языков, началось в первой половине XIX века, однако и на сегодняшний день многие его проблемы изучены недостаточно, а сам язык постепенно уходит из употребления даже в местах компактного проживания карелов. В последние два десятилетия наблюдается всплеск роста этнического самосознания карелов, карельский язык преподается в ряде школ и вузов, идет подготовка учебников, учебных пособий и словарей карельского языка, что указывает на необходимость активизации усилий в его изучении. Важную информацию несут и исследования языка фольклора. В случае же, когда фольклор создан на языке, который не обладает богатой письменной традицией, как это имеет место с карельским языком, подобные изыскания могут быть полезны во многих отношениях, поскольку отдельные вызывающие интерес феномены языка, бытовавшие в речи карелов до активного двуязычия, словно закристаллизовались в ней и дошли до наших дней. Анализ языка фольклора, а в представленной работе – языка карельских колыбельных песен, может представить интерес, например: 1) при исследовании определенных фонетических особенностей, которые хорошо сохранились в языке колыбельных песен; 2) в изучении вызывающих затруднение именных и глагольных форм; 3) при выявлении традиционно «карельских» синтаксических моделей, на сегодняшний день значительно эволюционировавших под воздействием русского языка; 4) в различного рода лексико-семантических и этимологических изысканиях. Кроме того, язык карельской колыбельной песни представляется особенно интересным для исследования с точки зрения его синкретизма, характеризующегося верой в силу слова («как спою, так и будет»), посредством чего, по народным представлениям, достигаются важнейшие функции байки¹: усыпление младенца и его защита от злых сил.

¹ Во избежание тавтологии наряду с термином «колыбельная песня» в качестве синонима используется термин «байка», заимствованный из русских говоров исследовательницей русского детского фольклора Карелии С.М. Лойтер; данный термин фольклористом называется даже более распространенным в Карелии.

Цели и задачи. Целью диссертационного исследования является анализ языковых особенностей карельской колыбельной песни, представляющих определенный интерес для лингвистов, поскольку дает возможность сопоставить выявленные маркирующие колыбельную песню языковые формы, их звучание и семантику с аналогичными в разговорной речи карелов (собственно-карелов, карелов-ливвиков и карелов-людиков), позволяя таким образом углубиться некоторым образом в историю языка. Содержательный анализ языка колыбельных песен полезен с точки зрения народной педагогики, так как именно в них вырисовывается картина взаимоотношения воспитателя (матери, бабушки, пестуни и т.д.) и ребенка, проявляются идеи взрослых относительно его будущей жизни.

В соответствии с поставленной целью предполагается решение следующих задач:

1) обратиться к предмету исследования, истории развития теоретических основ лингвофольклористики, которые послужили своеобразной отправной точкой при подготовке данной работы;

2) рассмотреть карельскую колыбельную песню как некий синтез накопленных народом знаний с выходом в лингвистику, фольклористику, этнографию, народную педагогику;

3) проанализировать особенности фонетического строя карельских колыбельных песен, что проявляется в аллитерации и мотивированности рефренов и лексики усыпления их звуковой формой;

4) изучить отдельные, маркирующие язык карельской колыбельной песни, морфологические аспекты, как-то: диминутивные и притяжательные суффиксы, особенности семантики некоторых редкоупотребимых и иных падежей, использование повелительного наклонения глаголов при сравнении указанных форм с бытующими в разговорной речи;

5) выявить наиболее характерные для языка карельской колыбельной песни модели глагольного управления и синтаксические структуры, сопоставить их с подобными в карельских диалектах;

6) исследовать через анализ лексики колыбельной песни процесс усыпления ребенка, рассмотреть созданные языковыми средствами образы ребенка, пестуни и Сна.

Научная новизна. Данная работа представляет собой первую попытку изучения с позиций лингвофольклористики языка карельской байки на четырех уровнях: фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом. Более того, исследование является инновационным прежде всего с позиций изучения грамматики языка карельской колыбельной песни, поскольку язык байки на так называемом «низшем уровне» (т.е. на

уровне структур) в качестве объекта научного внимания до сих пор не выступал. Выводы работы представляются актуальными как для лингвофольклористики, так и языкознания вообще, так как при изучении языка колыбельной песни в фокусе внимания оказываются фонетика, грамматика и лексика карельской поэтической речи в «золотой век» ее развития.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается, прежде всего, в анализе языка колыбельной песни в сравнении с повседневной речью карелов. Выявленные языковые материалы потенциально полезны для иллюстраций при составлении учебников и учебных пособий в помощь изучающим карельский язык, могут быть приняты во внимание в процессах кодификации грамматических и лексических норм младописьменного карельского языка. Интересными представляются изобразительные особенности песен, теснейшим образом связанные с калевальской метрикой и иными свойствами языка устного народного творчества карелов, что может послужить основой для дальнейших исследований в области фольклора финно-угорских народов. Как показал проведенный анализ, колыбельные песни – это и своеобразный механизм отражения педагогических воззрений карелов, поэтому некоторые выводы представляются заслуживающими внимания также с точки зрения народной педагогики и этнографии.

Источники и материалы. Теоретической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных исследователей нескольких отраслей науки: лингвофольклористов А.Т. Хроленко и З.К. Тарланова; языковедов П.М. Зайкова, Н.Г. Зайцевой, В.П. Федотовой, Л. Хакулинен, А. Хакулинен, Ф. Карлссона; фольклористов В.П. Аникина, В.В. Головина, С.М. Лойтер, А.А. Потемни, Л. Виртанен, С. Тимонен, В.Я. Евсеева, У.С. Конкка, Н.А. Криничной, Н.А. Лавонен, А.С. Степановой; этнологов И.Ю. Винокуровой, П. Виртаранта, Е.И. Клементьева; историков О.П. Илюха, М.В. Пулькина и др.

Исследование проводилось на материале карельских колыбельных песен, содержащих лексику усыпления или обращение ко сну (около 300 текстов), а также песен, исполняемых в качестве колыбельных (около 300 текстов). Таким образом, обследованию подверглось около 600 текстов из Научного архива КарНЦ РАН, Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, издания Suomen Kansan Vanhat Runot, I (3), II, 1919, 1927 (Старые песни финского народа), различных письменных источников (например, сборника Vienalaisia lastenlauluja, 1973 (Детские песни Беломорья), дисков с записями колыбельных песен, выпущенных в разные годы фондом Juminkeko (г. Кухмо, Финляндия), а также собственных экспедиционных записей.

Объектом исследования являются фонетические и грамматические структуры, а также лексические формы, маркирующие язык карельских колыбельных песен.

Методы исследования. В рамках данного исследования применялась комплексная методика изучения языка фольклорного произведения. В различных частях работы применялись описательно-аналитический, текстологический, компаративный методы, равно как и метод стилистического эксперимента и комментирования. Некоторые методы в отдельных главах были доминирующими: например, при рассмотрении аллитерации использовались, главным образом, дистрибутивный и позиционно-морфематический методы; в главе по морфологии и, частично, по лексике применялся метод морфемного и словообразовательного анализа; принципы логико-синтаксического и структурно-функционального методов были наиболее актуальными при обращении к синтаксису; метод описания по лексико-семантическим группам составил основу главы по лексике.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены в виде докладов на пяти конференциях: 1) Межвузовская научная конференция «Бубриховские чтения: Вопросы лексикологии и лексикографии прибалтийско-финских языков», Петрозаводск, 2008; 2) Международная научная конференция студентов-финноугроведов Ifusco XXV, Петрозаводск, 2009; 3) Международная конференция «Калевала» в контексте мировой и региональной культуры», Петрозаводск, 2009; 4) Международная конференция «Бубриховские чтения: Проблемы перевода и обучения переводам», Петрозаводск, 2009; 5) Межвузовская конференция «Бубриховские чтения. Вопросы исторического развития и современное состояние языков и культуры прибалтийско-финских народов», Петрозаводск, 2010.

Структура и объем работы. Данное исследование состоит из предисловия, введения, шести глав, посвященных лингвофольклористическим основам диссертационного исследования, колыбельным песням как объекту изучения, фонологическому, морфологическому, синтаксическому и лексическому аспектам языка карельской колыбельной, заключения, списка литературы и источников, а также шести приложений, списка информантов и перечня источников использованных текстов.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В предисловии обосновывается актуальность исследования, определяется его цель и задачи, рассматривается источниковая база, отмечается научная новизна, методы анализа материала, а также оценивается теоретическая и практическая значимость работы.

Во введении поясняется, как появилась идея данной работы; отмечается различная сохранность текстов колыбельных по территориям проживания карелов трех локальных групп; перечисляются основные теоретические работы, ставшие базой для проведенного исследования; обосновывается преимущество буквального перевода фольклорных текстов по сравнению с художественным с целью правильного их толкования.

Глава I «Теоретические основы исследования в свете лингвофольклористики»

В первом параграфе рассматривается предмет изучения лингвофольклористики как науки о языке фольклора в преломлении к изучению языка карельских колыбельных песен.

Термин «лингвофольклористика» впервые был введен в научный оборот А.Т. Хроленко в 1971 году². Впоследствии возник ряд школ, исследующих язык фольклора в данном направлении (курская, петрозаводская школы).

В самом термине «лингвофольклористика» выражается уже суть подхода к исследованию устнопоэтической речи – выявление места и функции языковой структуры в фольклорном произведении, при этом оправданно одновременное использование лингвистических и фольклористических методов. Кроме того, лингвофольклористикой привлекаются данные других наук (например, психолингвистики, этнолингвистики, этнографии и т.д.).

Как в языке художественной литературы, так и в языке устного народного творчества различают две стороны, неразрывно связанные между собой: 1) сторону грамматическую и лексическую, составившие, главным образом, основу данного исследования на материале карельских колыбельных песен, и 2) сторону выразительную, художественную, представляющую собой в некоторых случаях нарочитое использование тех или иных языковых явлений.

А.Т. Хроленко предлагает в качестве предмета лингвофольклористики считать *фольклорный текст*, понимая под ним не конкретный текст произведения устного народного творчества, а всё многообразие зафиксированных текстов.

Лингвофольклористика рассматривает также вопрос соотношения фольклорных произведений с диалектами, на которых они бытуют, поскольку язык фольклора – это наддиалектная форма.

² Хроленко А.Т. О целесообразности частотного словаря языка русского фольклора: к постановке проблемы // Научно-практические очерки по русскому языку. Курск, 1971. Вып. 4–5. С. 112–116. С. 112.

Во втором параграфе анализируется, в каком направлении развиваются исследовательские традиции и какие из них дают наилучшие возможности для изучения аспектов языка карельской колыбельной песни (имеются в виду традиции изучения фольклора и языка финляндскими, российскими учеными и карельскими исследователями).

В третьем параграфе рассмотрены основные отличия в изучении языка фольклора, прежде всего, в России и Финляндии. В Финляндии понятие, соответствующее по содержанию термину «лингвофольклористика», не получило распространения. При сравнении двух исследовательских традиций выделены их характерные особенности: в финской науке на уровне сферы интересов отдают предпочтение исследованию языка на «высшем» уровне (т. е. стилистике и поэтике), в то время как в России, кроме того, в последнее время все чаще обращаются к исследованию фонетико-грамматических и лексико-семантических структур языка фольклорного произведения.

В главе II «**Колыбельная песня как объект исследования**» представлен взгляд на колыбельную песню также с точки зрения смежных наук: фольклористики, этнографии и педагогики.

Колыбельная – это песня, предназначенная для усыпления младенца. Такие функции колыбельной песни, как усыпительная, защитная, прогностическая, эпистемологическая, оберегают переход ребенка от незавершенного, по представлениям народа, «опасного» для него состояния, в завершенное «счастливое будущее»³. Важно, что в традиционной культуре младенец до сорока дней воспринимался как существо, сохранявшее связь с потусторонним миром, откуда он пришел; этим обусловлена ритуальная природа колыбельной песни.

Колыбельная песня может быть очень короткой, повторяться несколько раз, содержать в себе часто встречающийся рефрен (например, *a-a, tuuti, hussaа* и т.д.), но может быть и более длинной; часто пестунья, убаюкивая ребенка, создает из колыбельных песен длинные цепочки, исполняя подряд все, что помнит. Колыбельной песне свойственна импровизационность.

Появление самых первых колыбельных песен связывают с периодом средневековья. В байке сосуществуют две основные темы – обращение ко Сну с просьбой усыпить ребенка и просьба-предсказание ему удачной судьбы:

Käyöz, uni, kätkyön peeh,
Anna undu da tervehytty.

Приди, Сон, к изголовью зыбки,
Дай сна и здоровья.

³ Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. – Åbo: ÅboAkademi University Press, 2000. – 451 с. С. 14.

Для традиционной карельской колыбельной песни свойственен калевальский размер (восьмистопный хорей), поэтому колыбельные песни калевальского размера можно назвать колыбельными рунами:

U-ni/uu-hel/la-a/jau-ve,

Kuok-ka/sar-vel/la-kä/ve-löy.

Сон на баране едет,

На рога́том идет.

В некоторых районах Карелии в качестве детских песен (в том числе колыбельных) часто исполняли эпические песни. Причина этого, вероятно, заключается не только в ритмическом единстве двух жанров, но и в том, что руны содержат очень важные для карелов и других прибалтийско-финских народов мифы, нашедшие отражение в различных жанрах фольклора, а также в других сферах, например, в народной педагогике. Вообще, колыбельные песни как часть карельского фольклора обладают его поэтическими и стилистическими особенностями (аллитерация, параллелизм, градация и др.).

За воспитание детей в карельской семье традиционно отвечала женщина (мама, бабушка), иногда старшие дети. В больших семьях, в которые входило по несколько братьев с семьями, свекрови приходилось нянчить двух-трех и более детей одновременно: после родов невесткам нужно было поскорее вернуться к делам по хозяйству. Зыбка подвешивалась на матицу в женском углу – «*sopessa*» (часть избы около печи), чтобы женщина, хлопотавшая по хозяйству, могла одновременно качать ребенка. Кроме того, расположение колыбели вблизи печи обеспечивало младенцу, по представлениям карелов, покровительство домового.

Ребенок первые шесть недель жизни, важного с точки зрения инициации времени, спал в корзине из лучины, изготовленной отцом или близкими родственниками-мужчинами, в связи с этим младенца в карельском языке часто называют *vakahaini*, *vagahaini* (<*vakka* 'корзина'⁴) 'новорожденный', букв. 'находящийся в корзине'. Затем его перекладывали в люльку. Вообще, на ритмику баек влияли различные типы колыбелей, подвесных, либо установленных на полозьях⁵.

В сюжетах карельской колыбельной песни отразились картины повседневной жизни: вера в Бога, хозяйственные занятия, образ жизни, животные, живущие рядом, мысли о будущем ребенка и пр., иногда находили место даже отголоски мировой истории (войны, важные исторические со-

⁴ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Päätoimittaja: U. M. Kulonen (1–3 osa). Helsinki. 1992 – 2000. S. 342.

⁵ Евсеев В.Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов. // Вопросы литературы и народного творчества. Карельское книжное издательство, 1962, выпуск 35. С. 37–61. С. 40.

бытия). Как показал анализ текстов песен, главным отличием карельских баек от русских является ярко выраженное в них отношение к жизни, настоящей и будущей: в русских колыбельных прослеживается своеобразная мечтательность матери или няни, в то время как в карельских – больше конкретики, мотивы черпались из окружающей повседневной действительности, без ее идеализации.

Среди карельских колыбельных песен зафиксированы и так называемые «смертные байки» (в них призывается смерть к ребенку), например:

Kunpa sie jos kuolisiit,
Ni harakkaiset ne hauvan kaivais,
Pikku lintuset virret laulais.

Если бы ты только умер,
Сороки бы могилу выкопали,
Маленькие птицы песни спели.

Относительно природы их возникновения исследователями выдвигаются разные догадки. Представляется все же наиболее вероятным, что смертные байки исполнялись в ритуальных целях: для обмана злых духов и смерти, чтобы они оставили ребенка в покое.

Если говорить о педагогической функции колыбельной песни, то помимо практической цели – усыпления – они доставляли младенцу радость. Считалось, что с шестинедельного возраста ребенок понимает обращение к нему, реагирует улыбкой на слова взрослых.

Мир, выстроенный в существующих колыбельных песнях взрослыми, конечно же, намного прозаичнее того, что могли бы выдумать маленькие дети. Однако действительность, создаваемая в байке старшими, выступающая в качестве предмета исследования, исключительно интересна. Взрослый с высоты своего житейского опыта, от всего любящего сердца, с подобающей родителю строгостью вмещает в колыбельную песню то, на его взгляд важное, что сделает ребенка счастливее, добрее, умнее и пр.

Глава III «Фонологический аспект изучения языка карельской колыбельной песни».

В данной главе рассмотрены способы построения карельской колыбельной песни с точки зрения ее звучания: показаны случаи аллитерации, характерной для многих жанров фольклора прибалтийско-финских народов, проанализирован отбор лексем с точки зрения их звукового облика, рассмотрены функции лексики усыпления.

В первом параграфе подвергнуты анализу случаи использования аллитерации (начальной рифмы) в колыбельной песне.

Аллитерация может характеризоваться как местоположением, так и интенсивностью. Для текстов колыбельных песен наиболее характерны аллитерационные *созвучия в двух словах в пределах одной строки*:

Tule, *uni*, *uinottamah*,
Anheline *avuttamah*.

Приди, Сон, усыплять,
Приди, ангелок, помогать.

Случаи аллитерации в трех словах в пределах одной строки не так распространены:

Kuro lapsen korvat kiini,
Kuro kultarenkahilla.

Затыни ребенку уши,
Затыни золотыми обручами.

Представляет интерес обилие иноказательных обозначений ребенка, которые получили распространение в байке, вероятно, благодаря в том числе и феномену аллитерации. В текстах, содержащих иноказательные обращения к младенцу, аллитерация часто затрагивает рефрен или глагол, обозначающий действие «баюкать, усыплять», и собственно слово, иноказательно называющее ребенка: *uinoo*, *uvelmoine* 'усни, росточек'; *tuuti tuomenkukkuu* 'туути, цветок черемухи'; *vakauttelen vakavaista* 'успокаиваю спокойного'. Частотны также случаи, когда иноказания вступают в аллитерационные отношения с эпитетом (1) или словом, обозначающим место нахождения ребенка (2):

Onko lasta kätkyössä,
(1) *Pientä peipoista* sijalla?
(2) *Vakavaista vaipan* alla?

Есть ли ребенок в зыбке,
(1) Маленький зяблик в постели?
(2) Спокойненький под одеялом?

Аллитерация может выступать не только в начале слова (*makauttele mäitosuuta* 'усыплай молочный рот'), но часто затрагивает также середину сложных слов (*piimäleukana levätä* 'отдыхать подбородку в простокваше').

С постепенным забвением традиции исполнения карельских колыбельных песен аллитерация уходит из текстов баек, как и других жанров фольклора.

Во втором параграфе рассматриваются фонетические особенности лексики усыпления в карельской колыбельной песне.

Рефрены карельской колыбельной песни, среди которых есть как традиционные для карельского фольклора формы (*aa, ani, hussaa, tuudi/, tuuti(e)*), так и заимствования из русской традиции (*bai, baju/pai, pa(i)ju, l'u(u)li*), фонетически приспособлены для усыпления младенца. Звуки *aa, tuu* создают эффект монотонности в колыбельной песне, кроме того, представляется уместным связывать происхождение *tuu* со скрипом колыбели:

Makuuh lapsen muanittelän.
Tuu-tuu, tuu-tu-lu-luu.

В дрему (букв.) ребенка заманю.
Туу-туу, туу-ту-лу-луу.

Мотивированность дескриптивной лексики ее звуковым обликом способствовала активному включению данного пласта языка в тексты карельских колыбельных песен. Использование дескриптивных глаголов в байке способствует обогащению текстов синонимами, выражающими разную степень внезапности, качества, энергичности действия:

Kikki huppäi kiikun peällä,

Кот [котенок] прыгнул на печь,

Lekahutti lasta.

Качнул ребенка.

Дескриптивные глаголы, представленные в карельской колыбельной песне, делятся на звукоизобразительные, например, *baibatua (paipattua)*, *tuuvittua* 'баюкать', и незвукоизобразительные *heiluo* 'качаться', *vuaputtella* 'качать, раскачивать':

*Tuuvvin, tuuvvin turvakseni,
Vuaputtelen varakseni.*

*Баюкаю, баюкаю себе на опору,
Качаю на поддержку в старости.*

В карельскую колыбельную песню особую нежность привносит использование звукоподражательной лексики, семантически связанной с миром птиц, что, очевидно, основано на ассоциации образа ребенка с птицей:

*Piis, piis, pikkulintu,
Missä sulla pesä?*

*Пи-пи, маленькая птица,
Где у тебя гнездо?*

Несомненно, аллитерация, рефрены и дескриптивная лексика – это важнейшие маркеры фонетического облика языка пестования, обуславливающие экспрессивность языка карельской колыбельной песни.

Глава IV «Морфологический аспект изучения языка карельской колыбельной песни».

Основное внимание в данной главе сосредоточено лишь на отдельных моментах (диминутивных и притяжательных суффиксах, семантике и употреблении транслатива и некоторых редких падежей, особенностях и функциях повелительной формы глагола), которые характеризуют своеобразие языка карельских колыбельных песен с точки зрения морфологии.

В первом параграфе рассматриваются диминутивные и притяжательные суффиксы в текстах карельских колыбельных песен.

Диминутивные суффиксы.

1) Самым распространенным диминутивным суффиксом у имен при обращении к ребенку в карельской колыбельной выступает **-(i)ni/- (i)ne**:

*Magua, magua, pikkaraine,
Uinuo, uinuo, uvelmoine.*

*Спи, спи, маленький,
Усни, усни, росточек.*

2) Менее распространен суффикс **-hut, -hyt** и **-ut(d), -yt(d)**:

*Tuuti, tuuti, lapsuttani,
Lapsuttani, pienuttani.*

*Туути, туути, ребеночка,
Ребеночка, маленького.*

3) Диминутив с суффиксом **-kkaini, -kkäini/-kkaine, -kkäine** также очень распространен:

*Tule, uni, ulkosista (...)
Hullukkaisen huonuksilla.*

*Приди, сон, с улочек (...)
К несмышлениькому в избу.*

Под воздействием русской традиции, в карельскую колыбельную в XX веке переключевали русские рефрены «бай (баю)», «люли» с димину-

тивным суффиксом -ушк/-юшк в форме множественного числа: *pa(i)juški*, 'баюшки', *l'u'uški* 'люлюшки':

Raju, raju, rajuški,
Tuuti, tuuti, tuutuški.

Баю, баю, баюшки,
Туути, туути, туутушки.

Из примера видно, что и из традиционного карельского рефрена *tuuti* 'туути' по модели рефрена «баюшки» (бай+ушк+и) образовалась форма *tuutuški* (tuuti+ušk+i).

Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов в байке отражает особое, нежное отношение взрослых к миру детства, в котором пребывает ребенок. Диминутивные суффиксы употребляются не только в отношении ребенка (напр., *lintuni* 'птичка' и т.д.), но и при описании всего окружающего его быта:

Tule, uni, uinottamaa (...)
Lepäižil peručaižil,
Koivužil koretaižil.

Приди, Сон, усыплять (...)
На ольховых саночках,
На березовых дровенках.

Диминутивный суффикс *-ni/-ne* иногда примыкает к рефрену *tuuti* 'туути', *pai* 'бай', эмоционально обогащая колыбельную песню:

Pai, pai, raipaseh,
Tuuti, tuuti, tutuseh.

Баю, баю, баюшки,
Туути, туути, туутушки.

Диминутивный суффикс сопровождает часто также образ Сна:

Tulepa se tuutuva ununi,
Käyrä, uni, kätksyihe.

Приходи-ка, убаюкивающий Сончик,
Приходи, Сон, в колыбельку.

Вероятно, в данном случае с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса выражается уважение к персонифицированному образу Сна, в чем, как считают некоторые языковеды⁶, проявляется одно из значений диминутивных суффиксов.

Значение притяжательных суффиксов – указание на принадлежность предмета, явления и пр. определенному лицу.

В современном русском литературном языке значение посессивности передается лишь через суффиксы третьего лица (напр. мамин платок, Дамоклов меч) в отличие от прибалтийско-финских языков, в которых принадлежность любому лицу можно выразить с помощью притяжательного суффикса.

Как полагают лингвисты, посессивные суффиксы развились из личных местоимений, употребленных в функции притяжательных местоимений еще в прафинно-угорском языке-основе. Притяжательные суффиксы

⁶ Porthan H.G. Tutkimuksia. Helsinki. 1904. С. 129.

в прибалтийско-финских языках – это постепенно уходящая из языка категория, на смену которой приходит аналитическая конструкция с притяжательным местоимением (ср. в финском языке: *kirjani* – *minun kirja* 'моя книга', *lapsesi* – *sinun lapsi*). На сегодняшний день посессивные суффиксы сохранились лишь в собственно-карельском наречии карельского языка.

Характерной чертой карельского фольклора, и баек в частности, является одновременное присоединение к основе уменьшительно-ласкательного и притяжательного суффиксов. Диминутивный суффикс в этом случае предшествует притяжательному: *lintuseni* (*lintu+ni>se+ni*) (собств.-кар.), *linduizeni* (*lindu+ine>ize+ni*) (ливв.) 'моя птичка'.

Главным значением рассматриваемого суффикса в составе иносказательных обозначений ребенка является выражение воспитателем любви к нему:

Baji, baji, linduizeni,
Baji, baji, pikkarastu.

Баю, баю, *мою* пташечку,
Баю, баю, маленькую.

Исследователями отмечается и важный охранный смысл притяжательных форм в текстах колыбельных песен («мой» значит «нечужой»).

Во втором параграфе на основе использования в текстах колыбельных песен редкоупотребимых в современном карельском языке падежей (инструктива, пролатива, комитатива), а также транлатива анализируется, как с помощью названных словоизменительных форм передаются особенности образа жизни и мировоззрения карелов, например:

Mierä laulan lapsin kaksin,
Tule Luoja kolmanneksi...

Я пою *с двумя* детьми,
Приди, Господь, третьим...

В указанном примере падеж инструктив с окончанием -n (главное значение: отражение способа действия) позволяет передать этнографическую реальность, а именно феномен большой семьи, в которой старшей женщине отводилась роль воспитателя своих внуков-одногодок.

С точки зрения постижения педагогических основ пестуны интересно использование в текстах карельских колыбельных песен и падежа транслатива. Транслатив, или превратительный падеж, рассматривают как абстрактный локативный падеж. Показателем транслатива в карельском языке является окончание *-kse* (ливв.)/*-ksi* (собств.-кар.)/*-ks* (люд.). Одним из основных значений транслатива, особенно важным при анализе языка колыбельной, является значение «становления кем-нибудь, чем-нибудь, переход в какое-нибудь состояние, положение, превращение во что-нибудь». В использовании транслативных конструкций, состоящих из сказуемого (напр. *tuutie, vuaputella* 'качать', 'баюкать') в форме первого лица ед. числа и дополнения, обозначающего ребенка, в форме партитива, а также обстоятельства в форме

характеризуется определенным набором синтаксических фигур, обусловленных его спецификой и функцией.

В первом параграфе констатируется факт эволюционирования синтаксических структур под влиянием соседних языков в условиях двуязычия. Задача изучения словосочетания и предложения осложнена отсутствием монографических работ и методик по исследованию синтаксиса языка фольклорных произведений на карельском материале, поэтому в данной работе применяется популярный в российской науке структурно-функциональный анализ.

Во втором параграфе представлен обзор маркирующих колыбельную песню словосочетаний в соответствии с работой В.П. Федотовой «Очерк синтаксиса карельского языка» (1990). Выявлены следующие единицы:

1) Глагольное словосочетание с зависимым именем в партитиве, выражает длительное незаконченное действие, направленное на одушевленное лицо (*tuutie lasta* 'баюкать ребенка', *magaittua piendy lastu* 'усыплять маленького ребенка' и др.):

Uinottelen pienokaista,
Vakauttelen vakahaista.

Усыпляю малыша,
Успокаиваю новорожденного.

В рассматриваемой модели в функции глагола часто выступают рефрены, которые не сообщают о том, как и какое действие совершается, а лишь выступают в своеобразной роли побуждения к действию:

Bai, bai, pikkaraiste lapsušte,
L'uuli, l'uuli, poigašte,
Bai, piendy pun'ušte!

Баю-баю, маленького ребеночка,
Люли, люли, мальчика,
Баю, маленькую крошку (усл.)

2) В глагольном словосочетании с зависимым именем в аккузативе также выступают объектные отношения (*laulan lapsen virren* 'спою детскую песню', *laulan šuvilinnun laulun* 'спою песню южной птицы'):

Mie se laulan lammin lumen,
Meren lummen luikutan.

Я спою кувшинку ламбы,
Прокричу (усл.) кувшинку моря.

Использование падежа аккузатива, идентифицируемого в языке лишь на уровне синтаксиса, указывает на результативность действия.

3) Глагольное словосочетание с зависимым именем в аллативе (ливв.), адессиве-аллативе (собств.-кар.) выражает действие, направленное на адресата: *soittua hoikkasormella* 'играть тонкопалому', *pieksyä kieltä pienellä* 'трепать языком маленькому':

Miepä se laulan lapsellani,
Enkä kellä muilla.

Я пою моему ребенку,
И не пою другим.

4) Глагольное словосочетание с зависимым именем в транслативе, обозначающее процесс перехода в какое-либо положение, состояние, в текстах колыбельных представлено двумя вариантами: а) часть моделей с указанной семантикой выражает прямые объектные отношения: *heiluo herraksi hyväksi* 'качаться в хорошего господина', *kiikkuo suutijaksi/suuren čipun istujaksi* и т.д. 'качаться в судьи/в сидящего в большом углу' и др.; б) в иных случаях в словосочетании представлено двойное управление, т.е. глагол вступает в отношения с двумя существительными: *tuutie lasta* 'баюкать ребенка' и *tuutie turvakseni/puijen pilkkojaksi* 'баюкать на свою опору/в колющего дрова' и др. Вместо глагола может выступать также рефрен в том же значении:

*Tuuvin lasta tuomariksi,
Baiju, lasta baijariksi.*

*Баюкаю ребенка в судьи,
Баю, ребенка – в бояре.*

В третьем параграфе представлены синтаксические структуры типичных для карельской колыбельной песни предложений на основе принятых в издании «Iso suomen kielioppi» (Большая грамматика финского языка) (2004) сокращений⁷.

1) Императивные предложения в колыбельной песне представлены следующими моделями:

A) *Nuču, nuču, nurmilintu,
Väču, väču, väistäriikki.*

*Спи, спи, луговая птица,
Устань, устань, трясогузка.*

Структура предложения: V_{IMPER} V_{IMPER} N_{NOM}.

B) *Tule, uni, uinottamah,
Tule, makuu, tuanittamah.*

*Приди, Сон, усыплять,
Приди, Дрема, заманивать.*

Структура предложения: V_{IMPER} N_{NOM} Inf_{3ILL}. Приказ, выраженный с помощью привлечения и иллативной формы инфинитива, звучит в этом случае значительно мягче предыдущего.

B) *Väsy, kun mie väsyтän,
Nuku, kun mie nukutan.*

*Устань, раз я утомляю,
Спи, раз я усыпляю.*

Схема предложения: V_{IMPER} konj PRON_{NOM} V_F. Императивные предложения в данном случае осложнены придаточными причины. Находящаяся в начале предложения императивная форма в указанных примерах концентрирует в себе смысловую нагрузку, за счет чего достигается особая сила воздействия на действительность.

⁷ ALL – аллатив, konj – союз, IMPER – императив, Inf – инфинитив (Inf_{3ILL} – форма третьего инфинитива в иллативе), N – существительное, (N_{ALL} – суш. в форме аллатива), NOM – номинатив, PAR – паритив, PRON – местоимение, V – глагол (V_F – спрягаемая форма глагола).

3) Предложения $N_{\text{NOM}}-V_{\text{F}}$ используются в текстах колыбельных песен при изображении прихода Сна к ребенку:

*Uni uuhella ajauve,
Kuokkašarvella kävelöy.*

*Сон на баране едет,
На рогатом приходит.*

Текст колыбельной содержит миниатюрное эпическое повествование, а использование рассказчиком в данном случае настоящего времени создает эффект того, что слушатель является очевидцем происходящих событий.

В четвертом параграфе с помощью структурно-функционального анализа выявляется трактовка семантики падежной формы в колыбельной песне. В собственно-карельском наречии, а также в некоторых говорах ливвиковского наречия исторически совпали по форме падежи адессив (знач. «чем, кем») и аллатив (знач. «чему, кому»). И такие случаи колыбельных песен как *hoikkasormellani* могут быть поняты и как 'тоненьким пальцем', и как 'тоненькому пальцу' ('тонкопалому'):

*Miepä laulan lapsellani,
Soitan hoikkasormellani.*

*Я пою моему ребенку,
Играю моим тоненьким пальцем
[или моему тонкопалому].*

Для установления семантики синтаксемы сопоставлено множество структурных схем предложений этого типа, представляющих в тексте баек синтаксический параллелизм. Общая для подобных синтаксем схема $\text{PRON}_{\text{NOM}} V_{\text{F}} N_{\text{ALL}}$ указывает на то, что форма *hoikkasormellani*, скорее всего, представляет собой именно объект, а не орудие действия.

Работа по структурам синтаксем позволяет в некоторых случаях выявить инверсию словоформ, так характерную для бесписьменного языка, находящегося под влиянием соседней культуры, и даже восстановить первоначальный облик предложения. Например, вместо исконной для карельской колыбельной модели *uinottelen pienokaista, vakauttelen vakavaista* 'усыплю малыша, успокаиваю спокойного' ($V_{\text{F}} N_{\text{PAR}}$) в некоторых более поздних текстах используется иная модель: *pienokaista uinottelen, vakavaista vakauttelen* ($N_{\text{PAR}} V_{\text{F}}$).

Основные задачи колыбельной песни (усыпление, прогностическая, охранная, эпистемологическая) решены, прежде всего, с помощью языка, в том числе, посредством словосочетаний и предложений определенного типа. Словосочетания как менее подверженная влиянию извне единица синтаксиса способствуют сохранению древних значений падежей. Структурная схема простого предложения, маркирующего колыбельную песню, может способствовать выявлению лексических и морфологических аспектов синтаксемы и с этой точки зрения представляет особый интерес, в первую очередь, для языковедов.

Глава VI «Лексико-семантический аспект изучения языка карельской колыбельной песни».

Данный раздел работы посвящен, главным образом, многообразным иносказательным обозначениям ребенка, обусловленным языком «материнской лирики» с присущими ему синкретизмом и нежностью, привязанностью к определенным реалиям быта. В главе рассмотрены также лексика усыпления, образы Сна и пестуны, выраженные языковыми средствами.

В первом параграфе введен и обоснован один из наиболее важных терминов, имеющих отношение к исследованию названного аспекта. В главе широко используется термин «метафорическая замена», впервые использованный исследователем русских причитаний К.В. Чистовым⁸. Под термином понимаются *устойчивые метафоры*, заменявшие например, в похоронном или свадебном обрядах термины родства. По мнению исследователей, импульсом к появлению метафорического языка плачей могли быть различные табу, связанные с семейными обрядами. В отношении иносказательного обозначения младенца в колыбельной песне термин «метафорическая замена» (МЗ) также применим, поскольку важным аспектом рассмотрения фигуры ребенка является его переходный статус, стремление удержать его в мире людей. В языке карельских колыбельных встречается множество МЗ, которые выступают и в карельских плачах (*udrazeni* 'моя бедняжка', *kalane* 'моя рыбка', *kuukolkka* 'куколка' и др.). Представляется, что иногда употребляемые в данном контексте термины «перифраз» или «языковая формула», являются менее удачными, поскольку не раскрывают в полную силу мифологического смысла рассматриваемого понятия. Ключевым фактором в ситуации иносказательного обозначения ребенка является негласный закон *заменять* наименование лица, к которому обращаются, его образными описаниями с целью защиты от вредных сил, и в этом отношении наиболее отвечающим смысловой ситуации является термин «метафорическая замена».

Во втором параграфе отмечается, что центром изображения действительности в колыбельной является младенец, поэтому в метафорических заменах термина «ребенок» наиболее ярко отражаются особенности воспитания детей в карельской семье. Выделены следующие группы МЗ термина «ребенок»:

1) МЗ – сопоставление ребенка с птицами (*alli* 'морянка', *linnun lennätin* 'птичье крыло', *peiponi* 'зяблик', *utuva* 'пух' и др.):

⁸ Чистов К.В. Причитания. – М.: JL, 1960. – 434 с. С. 13.

Enpä anna tyttöistäni,
Liitä *lempilintuistani* (...)
Kaupramiehelle *kanaksi*.

Не отдам свою доченьку,
Не выдам *любимую птичку* (...)
Купцу в *курочки*.

Соотнесение образа ребенка с птицей имеет глубокие мифологические корни. Так, по народным представлениям, душа умершего ребенка становится маленькой птицей, чем объясняются запреты убивать птиц, а также разорять их гнезда.

2) МЗ – характеристика ребенка по внешним физическим признакам *pikkusormi* 'маленький палец', *kierosuu* 'кривой рот', *tukkapiä lapsi* 'ребенок с волосяной головой', *varpahat* 'пальцы ног' и др.):

[Tule] Maria makauttamaa,
Ryhä risti nostamaa.
Anna suuta *maitosuille*,
Piimäleuvalla levätä.

[Приди], Мария, усыплять,
Святой крест поднимать.
Поцелуй *молочный рот*,
Дай отдохнуть *подбородку в простокваше*.

При создании метафоры в байке сознание матери выносит на первый план характерные внешние признаки младенца.

3) МЗ – соотнесение с растительным миром (*kultani omenani* 'золотое яблочко', *uvelmoine, idoine* 'росточек' и др.):

Turu, turu, *tuomen kukka*,
Mehiläizen meijän kukka!

Туру, туру, *цветок черемухи*,
Наш *медовый цветок!*

Наличие метафор этой группы указывает на особенность синкретического мышления человека, осознававшего себя частью природы. В древних текстах МЗ этого типа, вероятно, были распространены значительно больше.

4) МЗ – этнографизмы (*paikkapiä lapsi* 'ребенок с платком на голове', *kassapiä* 'голова с косой' (МЗ содержат социально-половые установки); *vakahaini, vagahaine* 'новорожденный' и др.):

Siin on liikkun *liinapaita*,
Siin on *varpahat* vavissun.

Там шевелилась *льняная рубаха*,
Там дрожали пальцы ног.

5) МЗ, отражающие кровную связь матери и ребенка (*kannettuini* '(мною) выношенный', *kaksin karvasin tavottu* 'двумя волосяными выкованный', *omani* 'мой' и др.):

Magoo, magoo, *maksazeni*,
Uinoo, uinoo, *udrazeni*.

Спи, спи, *моя печеночка*,
Усни, усни, *моя бедняжка*.

МЗ этого типа, вероятно, наиболее древние.

6) МЗ – характеристика ребенка по поведению (*hullu(ni)* 'несмышленный', *sygeine* 'сорванец' (букв. 'зародыш'), *unetoin* 'бессонный' и др.):

Onko lasta *kätkyössä*,
Vakavaista vaipan alla?

В колыбели ли младенец,
Под одеялом ли *спокойненький?*

7) МЗ – отражение педагогических воззрений (*mainomaini* 'чудесный', *pun'u, pun'uste* (ласковое обращение к ребенку, слово означает что-либо маленькое и круглое), *pieni, pienijäni* 'маленький' и др.):

Aa, aa, *ainoi lastu*,
Aa, aa, *kuldaistugo!*

A-a, a-a, *единственное дитя*,
A-a, a-a, *золотце!*

Нежность языка колыбельной песни напрямую связана с особенностями воспитания в карельской семье: ласка, доброта, снисходительность были в основе воспитания младших детей⁹.

Относительно выражения гендерной характеристики посредством МЗ следует отметить, что в языке карельских причитаний такие иносказательные обозначения и производные от них как *alli* 'морянка', *kanani* 'курочка', *lintu* 'птица', *sorsa* 'утка' и др. применимы лишь при обращении к дочери. Обращение к сыну в карельских плачах представлено МЗ *kukko* 'петух', *omena* 'яблоко', *sauvan varsi* 'трость' и др.¹⁰ В записанных в XIX–XX веках карельских колыбельных песнях метафоры уже не несут в себе строгой половой идентификации ребенка. Так, МЗ *kultani omenani* 'мое золотое яблоко' и *hopijani sauvan varsi* 'серебряная трость' в настоящее время могут использоваться для обращения к младенцу как женского, так и мужского пола. Тем не менее, есть все основания полагать, что метафорический язык древних колыбельных был более упорядочен.

Что касается поведения младенца в «колыбельный» период жизни, то лексика карельской байки представлена небольшим количеством действий, характеризующих ребенка. Перифразами действия «плакать» являются глаголы *juonie* 'капризничать', *laulua* 'петь', *valittua* 'жаловаться' (*elä itke ilman suutä* 'не плачь без причины'). Наиболее характерное действие, описывающее поведение ребенка, в байке выражено глаголом *olla* 'быть', 'находиться', так как большую часть времени малыш проводит именно лежа в колыбели:

Onpa lasta kättyössä,
Pikkaraista pieluksilla.

Есть же младенец в зыбке,
Маленький на подушках.

Третий параграф посвящен образу исполнительницы байки и его отражению средствами языка, а также образу Сна, тесно связанному с лексикой усыпления.

Мать, бабушку, родственницу можно определить как субъекта усыпления. Развертывающаяся в колыбельной песне картина мира создана пестуньей, фигура которой незримо присутствует за каждым созданным образом, императивной интонацией, установкой на будущее ребенка и др., но с

⁹ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. – 304 с. С. 74.

¹⁰ Степанова А.С. Толковый словарь языка карельских причитаний. – Петрозаводск: Петрозаводский университет, 2004. – 304 с. С. 33, 35.

точки зрения языковых средств личности воспитателя в песне отведена крайне скромная роль. Наиболее часто образ субъекта усыпления определяется лишь местоимением первого лица ед. числа *minä, mie* 'я':

Mierä laulan lapsellani.

Я пою моему ребенку.

Образ пестуны отражается также с помощью окончания глагола в форме первого лица, например, *soitan* 'играю', *pičkuttelen* 'шебечу', *tuuvittelen* 'укачиваю'. Персона укачивающего иногда раскрывается через употребление в самом тексте песни терминов родства, что, впрочем, является чертой колыбельных песен более позднего времени. В таких случаях пестунья в карельской колыбельной – это *muamo* 'мама', *buabo, ämmö* 'бабушка' и т.д.:

L'uuli, l'uuli, muamo lastu,

Люли-люли, *мама* ребенка,

L'uuli, l'uuli, pikkarastu.

Люли-люли, маленького.

Среди множества зафиксированных обозначений действия «укачивать», «усыплять», которые используются пестуньей в байке, есть как использованные в прямом значении (напр. *baibattua* 'баюкать', *liikuttua* 'качать', *väsyttää* 'утомлять'), так и иносказательные (*laulua lammasvirsi* 'спеть баранью песню', *souvatella* 'грести' и др., в последних часто прослеживаются особенности уклада жизни карелов). Персонифицированный образ Сна сопровождается подробностями прихода к дому ребенка, напр. *uuhella ajauve* 'на баране едет', *ulkuota kyselöy* 'с улицы спрашивает'. Наиболее интересными перифразами глагола «усыплять», иллюстрирующими синкретизм мышления воспитателя, являются следующие обращения ко Сну: *pane silmät lukkuseen* 'запри глаза на замок', *sivo lapsen silmät kiini/sivo silkkinuorasilla* 'завяжи глаза ребенку/завяжи шелковыми нитями', *unisulka suuhe pane* 'положи в рот сонное перо' и др., в которых сон как процесс представляется материальным веществом. Иногда пестунья просит принести сна, например, *kuparisella kupilla* 'в медной чашке', *kainaloisessa* 'под мышкой'. В целом, в текстах колыбельных отношение ко Сну очень уважительное, а картины с его участием, по народным представлениям, делают засыпание ребенка незаметным и интересным для него.

В заключении обобщены результаты исследования, констатирован факт угасания традиции исполнения карельской колыбельной песни в семье, высказано мнение о необходимости дальнейшего исследования языка фольклора как важного фактора познания языковой картины мира народа.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. О некоторых особенностях языка карельской колыбельной песни в связи с народной педагогикой // Вестник Воронежского государственного университета (серия: лингвистика и межкультурная коммуникация) №1, 2010. С. 70–74.

Статьи в журналах, сборниках трудов, материалах конференций:

2. Образ ребенка в языке карельской песни // Успехи современного естествознания №10, 2010. Москва: Академия естествознания. С. 38–43.

3. Севернокарельская колыбельная песня: проблемы собирания и функционирования // XXV Международная научная конференция студентов-финноугроведов Ifusco: Материалы конференции. Петрозаводск: Издательство КГПУ, 2009. С. 118–119.

4. О трудностях перевода карельской колыбельной песни на русский язык // Бубриховские чтения. Проблемы перевода и обучения переводам: Сб. науч. ст. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2009. С. 286–292.

5. Севернокарельские колыбельные песни калевальского размера // «Калевала» в контексте мировой и региональной культуры: Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2009. С. 390–395.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Times».
Уч.-изд. л. 1,1. Усл. печ. л. 1,2. Подписано в печать 16.11.10.
Тираж 100 экз. Изд. № 158. Заказ № 912.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50